

Дмитрий ЛАГУТИН

ИЗВОЗ

Рассказ

Глеб свесил руку с кровати и нашарил на полу телефон. Поднес к лицу, прищурился, Катя заворочалась недовольно, потянула одеяло на лоб.

– Твой отец, – сообщил Глеб.

– Тогда ответь.

Глеб ткнул пальцем в экран, поднес телефон к уху.

Из динамика – сквозь музыку и гомон, сквозь звон, кажется, бокалов – зазвучал голос тестя.

– Зятёк! А зятёк! Ты там спишь уже, что ли?

– Да как вам сказать... – Глеб присмотрелся, часы на комодке показывали половину второго.
– С малость...

– Извини, зятёк! – в голосе раскаяния не чувствовалось. – Выручишь старика, а? Поехал, понимаешь, на встречу выпускников, – тесть фыркнул, – думал, пить не буду... А дальше... Ну, сам знаешь, как оно бывает. Знаешь ведь?

Глеб пробормотал что-то уклончиво.

– В общем, заberi меня, подбрось до дома, а? Не хочется зверюгу тут оставлять. Доверенность открытая, ты ж сам не пил?

– Не пил.

Вечером они с Катей готовили суши, потом смотрели сериал.

– Ну вот! – голоса и музыка стали тише, тесть, по-видимому, вышел куда-нибудь, в коридор или вообще на улицу. – Заberi, зятёк, уважь батю.

– Заберу, чего ж, – зевнул Глеб и полез из-под одеяла, уселся на краю кровати. – Мне не сложно.

– Зятёк! – воскликнул тесть. – Золотой ты у меня человек! Знал, что выручишь, ни секунды не сомневался!

Глеб, растирая лицо ладонью, выслушал все комплименты до единого и уточнил место, из которого тестя нужно было забирать.

– Да в двух шагах от тебя! – И тесть назвал ресторан, который, действительно, располагался совсем рядом, на том конце парка. – Проветришься заодно, погода – вах!

Договорились о времени, о том, что Глеб позвонит, как окажется рядом, о том, что не забудет захватить права. Когда Глеб погасил телефон и встал, потянувшись, хрустя позвонками, Катя заворочалась, пробормотала сонно:

– Что там такое?

– Попросил забрать из ресторана.

– А почему такси не вызвал?

– На своей приехал, пить не собирался.

Катя вздохнула.

– Ну тогда заberi, пожалуйста.

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Гайто», лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал», «Знамя» и др. В «Волге» публиковалась проза (с 2018 года).

– Само собой. Спи.

Глеб сел на кровать и провел ладонью по выглядывающей из-под одеяла коленке. Коленка тут же спряталась. И несколько минут он сидел, глядя в стену, думал о том, что забрать-то не сложно, но вот так ведь не хочется покидать сейчас эту комнату, темную и теплую, согретую его и Катиным дыханием, тихую совсем – слышно только, как гудят едва-едва трубы – тесную, но приятно как-то тесную, уютно тесную, единственную комнату в квартире, висящей в семи этажах над землей, точно гнездо.

– Иди, иди, – поторопила сквозь сон Катя. – Пока он не решил продолжать.

Глеб поднялся, зашагал по комнате, одеваясь, шлепая босыми ногами по ламинату – свет не включал, хватается того, что пробивается от фонарей сквозь шторы – потом поцеловал Катю, нависнув над ней, испугав даже, и вышел в коридор. Подумал и завернул в кухню – выпил воды, умылся над раковиной с тарелками, подхватил из вазочки конфету, развернул и бросил в рот. В кухне тоже было тихо, тепло и темно – свет снова не включал, – но занавеска была отдернута, и за окном видно было облетающий понемногу парк в фонарях, и за парком – огни центра.

Свет Глеб не зажигал и в коридоре – и в коридоре тоже было тихо и тепло, сонно тикали у зеркала часы, – влез в ветровку, обулся и бесшумно, стараясь не звенеть ключами, вышел в подъезд. И тут уж ему пришлось зажмуриться – в подъезде лампы горели на разрыв, со всех сторон, хоть возвращайся за очками.

Обклеенный рекламой лифт – зеркало еще не повесили, а жаль, – площадка с почтовыми ящиками, детские коляски и самокаты, толпящиеся в сумрачном закутке, моргающая огоньком кнопка у двери. Глеб вышел на крыльцо и только что не закачался под порывом холодного, ночного – совсем почти октябрьского, а ведь еще только середина сентября – ветра. Застегнул ветровку до кадыка, сунул руки в карманы – телефон, ключи с брелком из Египта, сложенный вчетверо чек с заправки – пересек двор, лязгнув воротами. И оказался в парке – зашагал по узкой, только-только выложенной плиткой дорожке.

Он еще до середины парка не добрался, а впереди уже виднелся за деревьями, моргал огнями ресторан. Слышно было и музыку – низким эхом она катилась по парку, путалась в ветвях, вязла в шелесте. Деревья стояли то гуще, то реже, между ними вытягивались засыпанные листвой газоны, листва со скрипом ездил по дорожкам, жалась к бордюрам. На бортике уснувшего до утра фонтана стояли несколько пустых бутылок – придет утром дворник и уберет, – и Глебу показалось, что он слышит, как горлышко каждой низко гудит.

В дальней части парка на одной из скамеек, прямо под фонарем, спал, съездившись, поджав колени к животу, приличного вида мужик, в дутой куртке с капюшоном. Проходя мимо, Глеб прислушался – сопит, ворчит даже что-то.

Сквозь поредевшие кроны видно было небо в мутных облаках, то и дело по парку прокатывался, загребая листву, ветер. Справа, далеко за деревьями, маячил прямоугольник летней эстрады, из-за него вставали темные, неподвижные силуэты аттракционов.

Чем ближе Глеб был к ресторану, тем громче звучала музыка, стали встречаться на дорожках и у скамеек курящие – поодиночке или компаниями. Глеб, пружиня подошвами, обогнул высокую чугунную ограду, остановился у крыльца – с которого курящие только что не соскальзывали, так их было много, – и позвонил тестю. И пока ждал его, принохивался против воли – из окон первого этажа соблазнительно тянуло едой, жареным мясом и луком.

– Зятёк! Ух, человечиче ты мой родной!

Тесть, нарушая шаткое равновесие, пролез сквозь толпу на крыльце, подошел к Глебу и сжал руку так, словно хотел сломать все пальцы разом и себе, и ему. Затем он приобнял Глеба за плечо, встряхнул и представил кому-то, тоже вываливающемуся из толпы.

– Зятёк мой! – расплылся тесть в улыбке. – Во такой вот!

И снова встряхнул Глеба – тому даже показалось, что он на миг оторвался от земли.

– А это кореш мой, од-но-класс-ничек, – сообщил тесть и фыркнул. – Тоже человечиче.

Говоря, он обдавал Глеба горячим – водка и лук – дыханием.

Кореш – длинный, покачивающийся, точно жердь на ветру, мужик с мутным взглядом из-под черных бровей – протянул Глебу ладонь и пробасил, растягивая нетрезво гласные:

– Па-авел.

Глеб представился, пожал корешу руку. Тесть захлопал себя по карманам, выдернул из одного ключи, подбросил, звякнув о перстень на мизинце, и торжественно вручил Глебу.

– Только теток подождем, – предупредил, растягивая гласные, кореш.

Он сорвал с сигаретной пачки целлофан, бросил прямо на плитку, вместе с кусочком фольги, зубами подцепил ближайший фильтр.

– Ну что ты гадишь, Паш? – возмутился тесть. – Стоишь в приличной компании и под ноги себе срьшь.

Он наклонился и поднял целлофан и фольгу, смял в кулаке. Дошел вразвалку до урны – кореш невозмутимо курил, глядя мимо Глеба – выбросил и вернулся.

– Да, зятёк, – подтвердил он. – Теток дождемся... одноклассниц, – он фыркнул, слова «одно-классник» и «одноклассница» его, по-видимому, смешили. – По домам их раскидаем, ага?

Глеб пожал плечами – назвался груздем, полезай в кузов.

– Так ты в машину иди, – предложил тесть. – Заводись пока, осваивайся. Мы сейчас, Пашка вон докурит, и подойдем.

Кореш важно кивнул – одобрил. Глеб снова пожал плечами и обошел ресторан, вышел на парковку, в центре которой возвышался, занимая по диагонали два места, зверюга-джип. Ткнул кнопку на ключах, влез, наступив на порожек, за руль, захлопнул дверь. И оказался в прохладной – кожа и металл – тишине салона. Подвигал кресло туда-сюда, примерился к рулю, к рычагу коробки, щелкнул раз-другой поворотниками. Ткнул пальцем по болтающимся под зеркалом боксерским перчаточкам – миниатюрным – не будут ли мешать? Посмотрел в зеркало и сунул ключ в скважину, провернул – где-то за панелью, в глубине, глухо заурчал двигатель, в салон хлынул из кондиционера ледяной воздух.

Глеб стал думать – не развернуться ли пока? не выехать к воротам? И пока думал, к джипу подошел, качая плечами, тесть, а за ним – кореш и какие-то тетки, хохочущие и размахивающие сигаретами. Тесть открыл двери, и тетки – теток было четверо, но одна, как понял Глеб, не то оставалась, не то уходила пешком – полезли в салон, за спину Глебу, не переставая хохотать.

В салоне тут же запахло духами и табаком.

– Здравствуйте! – хохоча, здоровались тетки, каждая по очереди. – Вы тот самый зятёк?

– Тот самый, – подтверждал Глеб равнодушно.

– Лучший зятёк на земле, – заверял, придерживая дверь и дожидаясь, пока все влезут, тесть. – Всем бы по такому зятю, да, – он развел руками, – штучный товар.

Тетки изображали сокрушение – ай-ай, как же так?

– Экземпляр, – пробасил, втискиваясь назад, к теткам, кореш. – А не товар.

Тетки заголосили – куда? куда? – стали, хохоча, щемиться, потом одна залезла на колени к другой, и только так кореш смог поместиться, воткнулся в потолок макушкой.

– Все? Утрамбовались? – спросил тесть и захлопнул за корешом дверь, влез на свое, рядом с Глебом, место, уселся поверх застегнутого ремня.

Обернулся на пассажиров, потом посмотрел, улыбаясь счастливо, на Глеба.

– Разобрался? Порядок?

– Так я ж водил ее уже.

Прошлым летом Глеб по просьбе тестя – тогда еще будущего – перепарковывал джип из одного конца двора в другой.

– Ну и прекрасно, – кивнул тесть. – Тогда педаль в пол.

Глеб, поддерживая шутку, рыкнул двигателем, а потом осторожно, выглядывая в открытое окно, выполз с парковки.

– А куда едем-то? – спросил он, выбирая поворотник.

Тесть обернулся на пассажиров.

– Куда ехать? Кто первый?

Тетки начали шushкаться, потом одна из них подняла руку, по-школьному, как будто вызывалась отвечать на уроке.

По ее запястьям запрыгали, звеня, массивные браслеты.

– Я первая!

Она назвала адрес и залилась смехом.

– Знаешь где? – спросил Глеба тесть.

Глеб кивнул, дождался, пока дорога будет свободна, и повернул, поддал газу. Джип понесся по оранжевой – в свете фонарей – улице, густо, точно подражая парку, засаженной деревьями. Тесть откинулся в кресле, довольно посмотрел на Глеба.

– Поддавай, не бойсь.

Глеб притормозил перед светофором, докатился до перекрестка и выехал на проспект – и замелькали по обе стороны вывески и витрины, арки и освещенные прожекторами фасады.

– Му-узыки бы, а, – пробасил кореш.

– Базара ноль, – усмехнулся тесть и принялся тыкать пальцем в магнитолу. – А вы какую музыку-то любите? Ты какую любишь, зятёк?

Глеб ответил, тесть покачал головой.

– Это вообще не музыка. Будем слушать мое.

Он выкрутил колесико, салон затрясся и завибрировал, тетки заголосили со смехом, кореш – Глеб видел в зеркало – расплылся в довольной улыбке.

– Не дует вам? – крикнул через плечо тесть. – Не замерзли?

– Вдует? – хохотали тетки. – Кто кому вдует?

Кореш продолжал улыбаться. Время от времени от встречался глазами с Глебом – и медленно, одобчительно кивал.

Музыка гремела, кондиционер гудел, тетки смеялись – а мимо джипа проносились светофоры и перекрестки, торговые центры и новостройки, скверы и парки, дома вперемешку – старинные, начала прошлого века, и новые, стекло и бетон.

Когда до озвученного адреса было рукой подать, тетки принялись о чем-то судачить – Глеб не слышал из-за музыки, о чем, – подключился, оживившись, кореш, похлопал по плечу тестя, забубнел ему что-то на ухо, и тесть сбил громкость вполовину.

– Продолжить?.. – как будто с досадой, почти растерянно протянул он и посмотрел на Глеба, точно спрашивая его мнения. – Еще посидеть?

– Ну а когда так вот еще собраться получится? – пробасил кореш, толкнул ближайшую тетку плечом. – Когда, а?

– Я вообще через месяц переезжаю, – выпалила со смехом та, с браслетами, которая вызвалась первой. – И ноги моей больше здесь не будет!

Поднялся шум, и тесть, почесав сперва подбородок, потом скулу, потом макушку, прокряхтел как будто с досадой.

– Тормозни-ка, зятёк, где-нибудь. Видишь, дебаты.

Глеб сбавил скорость и прижался к обочине под знаком, зажег аварийку.

И они стали всерьез обсуждать, по домам ли им ехать или заскочить еще куда-нибудь и опрокинуть по рюмочке, да закусить чем-нибудь, вон и проголодались уже, хотя, казалось бы, только из-за стола. Активнее всех за продолжение ратовал кореш – горячился, прижимал ладони к груди, и взгляд его уже не казался мутным, а сверкал из-под бровей почти яростно.

В какой-то момент они с тестем даже вылезли из джипа – и стояли перед капотом, курили, продолжали обсуждение.

Тетки в это время шушукались сзади, причем та, что сидела на коленях у подруги, смогла – кореш-то вышел – сесть нормально и теперь шелкала перед лицом зеркальцем, напomaживала и без того красные, как вишни, губы.

На Глеба тетки не обращали совершенно никакого внимания – точно и он тоже вышел.

Наконец тесть с корешем вернулись, и тетка с зеркальцем, шутливо возмущаясь, полезла на соседку.

– Раздавишь, блин, Танюха! – хохотала соседка. – Ты когда так отожралась?

– Короче, зятёк, – обратился к Глебу тесть. – Довези нас кое-куда, до ресторанчика. Мы там посмотрим по местам, и, если сядем – езжай домой, – тесть хлопнул по бардачку. – А я уж на такси.

Глеб пожал плечами, уточнил адрес, прикинул, через какую улицу лучше ехать, и отклеился от обочины, погасил аварийку.

– Благодарите зятёка моего, – обернулся тесть и поднял палец к потолку. – Если б не он, бежали бы сейчас во все стороны...

И тетки вдруг точно вспомнили о том, что Глеб вообще существует, и принялись его благодарить и нахваливать – и так всю дорогу до ресторана, который, если бы спросили Глеба, на звание ресторана не особенно-то и тянул.

– А давно ли зятёк – зятёк? – спрашивали тетки.

– А четыре месяца! – отвечал за Глеба тесть. – Свадьбу вон в мае отгуляли.

– И как зятёку семейная жизнь?

– Как зятёку семейная жизнь? – переспрашивал тесть и смотрел на Глеба с напускной строгостью.

Глеб поднимал большой палец вверх.

– Супер.

Тесть трепал его по плечу, царапал перстнем шею.

– Золотой зятёк! Не пьёт, не дебоширит, де-еньги зарабатывает.

Глеб отмахивался.

– Такие-то деньги...

– Деньги – это деньги! На первое время самое то! – обрывал его тесть. – А если надо, так мы рядом, поможем завсегда!

Тетки засыпали Глеба вопросами о том, где он работает, где учился, почему не пошел по специальности, чем занимается в свободное время, – и тесть сидел, надувшись от важности, довольный и раскрасневшийся, точно расспрашивали его, и нет-нет а отвечал, опережая Глеба.

Кореш в разговоре не участвовал, и только время от времени поднимал одобряюще кулак, кивал Глебу из зеркала – молодец, зятёк.

– А курить в машине можно? – спросил он вдруг.

– А курите, хрен с вами, – подумал и махнул рукой тесть.

И поехали вниз стекла, и в салон захлестал, забил туго сырой осенний ветер, и кореш закурил, и кто-то из теток закурил, и тесть тоже закурил – и пока ехали, курил задумчиво, глядя перед собой на дорогу. Снова вытянули громкость до упора, и Глеб крутил руль точно в центре бури – ветер, дым, хохот, музыка, огни.

На лежачих полицейских – Глеб притормаживал и отпускал педаль в последний момент, чтобы качнуть передними колесами, – подпрыгивали всем салоном, тетки хохотали с новой силой, кореш ругался, смахивая пепел с рубашки.

Когда подъехали к ресторану, тетка с браслетами первой, только джип остановился, выпрыгнула наружу – ей уже несколько минут названивал муж, а она боялась отвечать из салона, из музыки и ветра. Выпрыгнула – и засеменила с телефоном в дальний угол парковки.

– Переезд под вопросом, – со вздохом протянул тесть, и салон взорвался смехом. – Пошли, Паш, на разведку.

Они с корешем вылезли из джипа и двинулись через полупустую парковку к цветастому, в гирляндах почему-то, крыльцу, исчезли за дверью.

Пока их не было, вернулась тетка с браслетами, улыбаясь смущенно и немного глупо, влезла в салон, стала отнекиваться, на вопросы отвечать односложно и отшучиваться – но спустя минуту уже хохотала по-прежнему и обсуждала наравне со всеми остальных одноклассников – и одно-

классниц – присутствовавших на встрече. Глеб снова почувствовал себя не то невидимым, не то превращающимся в предмет мебели, и ему захотелось обернуться и сказать отчетливо, положив локоть на спинку своего кресла:

– Эй, тетки. Я все еще здесь.

И тут же он подумал, что и это не сработает – и не произведет никакого эффекта.

– Я вам говорю, девочки, она сука, – с чувством признавалась третья тетка, боявшаяся быть раздавленной Танюхой. – Тварь каких мало. А видели, как сидит? Как улыбается? Колечком сверкает...

Танюха и тетка с браслетами соглашались, кивали и трясли головами.

– Ты, зятек, не слушай, – вдруг рассмеялась Танюха и тронула Глеба за плечо. – Тетки злые, говорят много гадостей.

Глеб ничего не ответил – повел головой неопределенно.

От крыльца шли с разочарованными лицами тесть и кореш – шли и прикуривали.

– Засада, народ, – сообщил тесть, заглядывая в открытое окно. – Закрываются через пятнадцать минут, кухня уже час как не работает.

Тетки подняли шумную дискуссию – может быть, пятнадцати минут хватит? много ли надо, чтобы выпить рюмку-другую? И Глеба можно будет не отпускать – подождет немного и развезет всех, как хотели с самого начала.

– Херня это, – пробасил кореш. – Что мы, дети малые? Выпить и бежать...

– А давайте в караоке! – предложила вдруг, выпучив глаза, Танюха. – В караоке до утра поют!

Все оживились, даже тесть, казалось, заскучавший, разглядывающий рассеянно свой перстень, вскинул подбородок.

– Этого вон, – он кивнул на кореша, – в караоке пускать нельзя! Вы его голос слышали?

Кореш расправил плечи и пробасил на всю парковку:

– Бо-о-о-ойтесь нана-а-а-айцев, дары принося-а-а-аших!

Глеб усмехнулся – это показалось ему смешным. Тетки зааплодировали.

– В караоке! В караоке! – затараторили они.

Долго определялись с адресом, выбирали из нескольких самых близких – а потом расселись по местам, захлопали дверями, и тесть наклонил голову, посмотрел на Глеба.

– Ага?

– Ага.

И снова потянулись за окнами улицы и перекрестки, заводские стены и закрытые зеленой сеткой стройки, бизнес-центры и платные стоянки. И снова гремела музыка, и вился спиралями табачный дым, метался по салону под ветром, и тетки хохотали, а кореш басил какую-то откровенную чушь, спрашивал у Танюхи название ее духов, закатывал рукав и показывал оставшиеся со школьных времен шрамы на предплечье. Въехали в центр, машин стало больше, и огней стало больше, приходилось петлять по улочкам, спускаться и подниматься, и на каждом повороте боксерские перчатки под зеркалом раскачивались из стороны в сторону и стукались друг о друга.

– Вон, – показал тесть на ворота в ограде. – Туда давай.

Глеб пропустил выезжающий из ворот джип – похожий один в один на их, – вкатился на парковку перед караоке-баром, нашел место поближе к крыльцу, аккуратно заполз в него по зеркалам.

– Сидите, – скомандовал тесть. – Пабло, за мной!

И они снова вылезли и пошли к крыльцу, перед которым курила шумная и пестрая толпа, скрылись в ней. А спустя пару минут – Глеб даже не успел заскучать – вернулись недовольные.

– Мест нет, – сообщил тесть.

Он влез в салон, закрыл не с первого раза дверь. Кореш оставался на улице и безуспешно пытался прикурить, бормотал ругательства. Танюха протянула ему через окно свою зажигалку, кореш затянулся, заглянул в салон и выпустил одно за другим несколько колец, которые тетки стали ловить на руки на манер браслетов.

– И очередь к микрофонам по полчасу.

Тетки закудахтали возмущенно.

– Ну что? – обернулся тесть. – Есть предложения?

И они стали думать, не поехать ли в какое-нибудь другое караоке, или, может быть, в какой-нибудь другой ресторан, а может, просто покататься по ночному городу, раз зятёк не клюет носом и не канючит? Кореш курил в салон, стоя на улице, отворачивался только пепел стряхнуть и все пускал из дыма кольца, и они плавали по салону, цепляясь за спинки кресел, за потолок, и тетки ловили их уже неохотно, без энтузиазма, и морщились, если кольца касались щек. Потом они как-то вдруг все разом поникли и сами стали канючить, и заохали, глядя на часы, прикидывая, что слишком уж много времени тратится на дорогу, – и стало понятно, что продолжение не складывается и все идет к тому, чтобы разъехаться по домам.

Глеб такому развитию событий был рад.

– Ну домой так домой... – щелкал языком тесть.

В обсуждении он участвовал как будто через силу, вяло – и особого рвения ни в одну сторону не высказывал.

Тому, чтобы ехать по домам, противился кореш – он ругался на ленивых теток, загибал длинные пальцы, считая аргументы, говорил, что в обычное время никуда не ходит и ни с кем не встречается, а потому из представляющихся случаев надо выжимать все, что получится, что эта вон – он пускал кольцо в тетку с браслетами – вообще переезжает, и когда еще соберутся вот так, чтобы и время, и место, и – что немаловажно, он пускал кольцо в Глеба – руль...

Но чем агрессивнее наседали кореш, тем прохладнее воспринимали его тетки – и под занавес они вдруг дружно начали зевать, морщась и распахивая напомуженные рты, показывая всем видом, что если их сейчас не повезут домой, они разбредутся сами, на своих двоих, и если с ними что-нибудь случится, то это будет на совести неугомонного Паши, от которого и в школе никому спасу не было и который, видимо, за столько лет совершенно не изменился. Глеб слушал и удивлялся – только что рвались люди кутить, пить и отдыхать, а тут вдруг больше всего на свете хотят домой.

Обсуждение было прервано сценой, на которую обратила внимание одна из теток.

– Смотрите, – позвала она и ткнула пальцем за лобовое стекло.

Все проследили за пальцем и увидели, как толпа на крыльце заволновалась, а затем из нее вылетели, вцепившись друг другу в волосы, две долговязые – модельной, возможно, внешности – девушки. Обе они были одеты в вечерние платья – узкие и сверкающие, – и платья эти то задирались, то сваливались с плеч, так что обладательницам приходилось отвлекаться от чужих волос и пытаться хоть как-то прикрыться. Поправив платья, они принимались трепать друг друга с новой силой, в ход пошли кулаки, а потом девушки – обе на каблуках – не удержались и повалились на асфальт перед крыльцом, но и тут не расцепились, а продолжили кататься, обдирая колени и локти.

От толпы отделились несколько человек и навалились на девушек, принялись растаскивать их, а те из последних сил выворачивались и изгибались, лягаясь. Наконец обеих – на почтительном расстоянии друг от друга – увели за стеклянные двери, толпа поволновалась еще немного и затихла.

– Бабы, – подытожил кореш и щелчком отправил окурок куда-то в сторону. – Страшное дело.

Тетки захихикали, потом снова принялись зевать. Кореш влез в салон, и тесть махнул Глебу рукой – по домам.

Первой отвозили ту самую, с браслетами – по уже известному Глебу адресу. Ехали весело, снова и курили, и смеялись, и слушали громко музыку, но за дом или два до своего тетка попросила сделать тише и закрыть окна, чтобы не было слышно и видно тех, кто внутри, а потом и вовсе стала объяснять тестю, что лучше бы подъехать с другой стороны и посадить ее за пределами двора – а не под окнами. Кореш на такие просьбы громкогласно хохотал, картинно, запрокидывая подбородок, а другие две тетки слушали тихо, кивали с пониманием – переезд на носу.

– Давай, зятёк, – согласился тесть. – Попетляем ради переезда.

И Глеб долго петлял дворами, пытаясь объехать дом тетки, который, будучи вдвое выше всех зданий в округе, возвышался над районом – и точно следил за перемещениями джипа. Дороги, которые показывала тетка, оканчивались тупиками или клумбами, где-то приходилось объезжать по бордюру ямы, один раз протискивались между сикось-накось припаркованными жигулями, сложив зеркала. Наконец тетку все устроило, и Глеб высадил ее у одного из дальних домов, в черной тени неизвестно как сохранившегося при такой плотной застройке клена.

Тетка расцеловала всех, кроме Глеба, вылезла, звеня браслетами, уронила и подхватила с земли сумочку и, сворачивая каблук, засемила по асфальту в свете фар – а затем исчезла за углом.

– Теперь меня, – попросилась тетка, вылезшая из-под Танюхи и занявшая свободное место.

– Ясное дело тебя, – фыркнула Танюха. – Меня последней, с моей-то географией.

И она положила голову на плечо корешу.

– Я и подремать пока могу.

– Дреми-дреми, – разрешил кореш.

Он трезвел и уже не растягивал гласные – но смотрел снова мутно.

Тетка назвала адрес. Глеб кое-как выбрался из лабиринта дворов – и долго еще похожий на башню дом маячил в зеркале, точно не желал пропадать из виду.

– Как она там, бедная... – пробормотала Танюха, лежа на плече кореша. – Выслушивает, наверное...

– Отрабатывает, – фыркнула вторая тетка.

В салоне стало просторнее и тише – и Глеб не слышал уже, как за спиной звенят браслеты – музыку до вибрации не выкручивали, даже не курили, ехали себе и ехали, лениво переговариваясь. Тесть вздыхал устало и в задумчивости скреб ногтем шов на панели.

На полпути джип остановили гаишники, Глеб прижался к обочине, зажег аварийку и полез за правами, выронил из паспорта себе под ноги карточку питерского метро.

Тесть при виде гаишников заворчал, заерзал недовольно – а когда инспектор подошел к джипу и принял от Глеба документы, хрустнул шеей и окликнул с вызовом:

– Командир! А командир! Мы нарушили что-то?

Инспектор заглянул в салон, посмотрел внимательно на тестя, на кореша, скользнул взглядом – вскинув бровь – по теткам.

– Зять меня везет, – с вызовом же бросил тесть. – Трезвый как стекло. На остальных не смотри. Мы нарушили что-то, или ты так, скучно стало?

Глеб мысленно приготовился к... что там делают, чтобы подтверждать трезвое состояние? По линии больше не ходят, кажется, нос с закрытыми глазами не трогают. В трубку дуют, но трубка может быть подставная, рассчитанная на результат – и тогда лучше сразу ехать... Куда ехать?

Но инспектор, прищурившись, посмотрел на Глеба, точно просвечивал его насквозь, а затем вернул документы, коснулся ладонью фуражки.

– Хорошей дороги, – и не удержался: – зять.

И до самого дома второй тетки говорили только о встречах с гаишниками – о штрафах, взятках, судах и даже драках. Только Танюха молчала-молчала, а потом выдала, усмехнувшись кисло:

– Вы вот жалуетесь, ноете, а у меня бывший муж – гаишник.

– Поэтому и бывший? – спросил кореш.

Танюха усмехнулась еще кислее.

Вторая тетка жила в пятиэтажке с мозаичными стенами – причем кусочки мозаики в свете фонарей, фар и подъездной лампы поблескивали и переливались разными цветами.

Тетка попрощалась со всеми, поблагодарила Глеба за «извоз», а потом долго топталась у домофона – сперва искала в сумочке ключи, выворачивала все карманы наизнанку, шипела и ругалась, потом звонила по мобильному, выглядывала из-под козырька на темные окна. Когда стало ясно, что мобильный бессилен, она собралась с духом и ткнула пальцем в кнопку домофона.

Все это время джип тарыхтел напротив подъезда – и тесть с корешем потешались над теткой, бросали ей через открытые окна шуточки.

– Все-е, – снова тянул гласные кореш. – Возвраща-айся.

Танюха фыркала, смеялась тихонько с его плеча – не открывая глаз.

Домофон звонил и звонил, звонил и звонил – но никто не открывал. Когда звонки прекращались, тетка нажимала на кнопку снова, оглядывалась со смущенной улыбкой, хмыкала и встряхивала волосами.

Наконец на четвертом этаже осветилось одно из окон – Глеб увидел люстру с массивными плафонами, картину на стене – и из домофона раздалось недовольное и хриплое «Кто?». Тетка смущенно ответила:

– Я.

– Кто – я?

Тесть и кореш согнулись от смеха, тетка оглянулась виновато, сверкнула глазами.

– Ну я, я! Кто еще!

– А ключи твои где?!

– Дома, наверное, оставила... Открываешь, нет?

– Голову ты свою не оставила?..

Домофон пикинул приветливо, тетка потянула на себя дверь. Обернулась, показала тестю и корешу кулак и шагнула за порог. И пока дверь не закрылась, Глеб видел ярко освещенную стену с почтовыми ящиками и икры поднимающейся по лестнице тетки. А потом еще и в окне с картиной показался крупный силуэт, навис, всматриваясь вниз.

Как только дверь с щелчком закрылась, тесть и кореш захохотали в голос – и Танюха сперва успокаивала их, зывала к сознательности, а затем и сама пошла хохотать, да так, что из глаз ее потекли слезы.

Сквозь смех она назвала адрес, Глеб сверился с картами и мысленно присвистнул – ехать предстояло на самую окраину, в частный сектор.

– Забралась Танюха, – кивнул тесть, словно прочел его мысли.

– Танюх, – позвал кореш. – Может, мы тебе номер в гостинице снимем? Чем в такую даль тащиться...

– Себеними! – Танюха шутливо пихнула кореша в бок и отодвинулась от него.

– Да Таню-ю-юх...

Ехали снова без музыки – то есть без громкой музыки, магнитола бормотала тоскливо, брехала гитарой – и окна не открывали, работал кондиционер. Тесть откровенно клевал носом, зевал в кулак и тер глаза, кореш то смотрел в телефон, сведя на переносице брови, то принимался гудеть что-то Танюхе. Танюха фыркала и отмахивалась от кореша, смотрела устало в окно, тоже зевала.

Глеб рулил – некоторые перекрестки проезжал не по первому разу за эту ночь – притормаживал, пропуская несущихся мимо, оглядывал пустынные улицы в листе и думал о том, что дома сейчас и тепло, и тихо, и нет никаких корешей или Танюх, теток с браслетами, гаишников и ледяных всхлипов кондиционера, что дома спит, завернувшись в одеяло, Катя, и ей, как всегда, снится зима, спит крепко, раз не звонит, не спрашивает, почему так долго... Ну и пусть спит, ей рано вставать, на учебу, это он завтра выходной и может валяться сколько душе угодно...

– Заправиться надо, – сообщил тесть. – Заверни-ка, зятек, на подсолнух.

И Глеб завернул на ближайшую заправку – под огромным неоновым подсолнухом – и по дождал, пока тесть сходит и оплатит и вернется с четырьмя ледяными, в испарине, банками газировки и с новой пачкой сигарет. Заправлял не тесть, а сонного вида заправщик в спецовке, и Глеб чувствовал, как через приоткрытую дверь в салон плывет масляный запах бензина. Когда цифры на экране у пистолетов замерли, тесть сунул в руку заправщика сторубливку, упал в салон и скомандовал:

– Двигаем.

Глеб подчинился и еще какое-то время наблюдал, как город за стеклами становится ниже, редет, как вместо новостроек снова появляются пятиэтажки в мозаике, а вместо них – липнувшие друг к другу коттеджи и частные дома. Улицы становились темнее, асфальт – хуже, зато деревьев было больше, и казалось, что главное здесь – именно деревья.

Тесть ехал задумчивый, подперев подбородок кулаком, кореш отстал от Танюхи и уже не гасил телефон, а Танюха снова дремала, скрестив руки на груди. Это, впрочем, не мешало ей время от времени приоткрывать глаза и отпускать короткие рекомендации:

– Здесь лучше не сворачивать.

Или:

– Не разгоняйся, впереди яма.

Наконец, она сообщила почти весело, распахнув глаза:

– Все, дальше я пешком.

Глеб притормозил, а тесть с корешем стали возмущаться.

– Да мне во-он туда, – Танюха показала в конец темной улицы. – Предпоследний дом. Дорогу у нас перекопали, танк не проедет.

Глеб прижался к траве у обочины и остановился, Танюха заозиралась, осматривая сиденье – ничего не забыла?

– Так, – сообщил тесть. – Ты, зятёк, оставайся здесь, а мы Танюху проводим. Да, Паш? – он обернулся на потягивающегося кореша. – Негоже даме одной по такой глуши чесать.

Улица уходила вдаль, погруженная во мрак, горел всего один фонарь – и оттого казалось только темнее. Кое-где угадывались тусклые огоньки окон, фары выхватывали ближайшие к перекрестку палисадники, блестящие ручки калиток.

– Само собой, – отозвался кореш.

Они вылезли наружу, причем кореш обежал джип и галантно подал Танюхе руку. Танюха хихикнула, поблагодарила Глеба – «спасибо, зятёк» – и шагнула на дорогу, захлопнула за собой. Глеб посмотрел за тем, как они втроем – Танюха висит на локте кореша – уходят вперед в свете фар, как исчезают за пределами светлого полукруга, как появляются вновь под фонарем и вновь исчезают, посмотрел и заглушил двигатель. Дернул ручку, прыгнул на дорогу. Потом обернулся и погасил фары – и только тогда закрыл дверь, привалился к ней спиной.

– Тишина-а, – выдохнул он и втянул ноздрями холодный воздух.

Тишина была такой же густой, как и темнота, – непривычной для города, накрывающей улицы куполом. Где-то далеко-далеко лаяла собака, ей отвечала другая – не ближе. Со стороны центра долетал равномерный, едва различимый гул, похожий на шум прибора. Пахло листвой и – тоненько – дымком от костра. Глеб поморгал, потер глаза – привыкали к темноте – и огляделся. Отклеился от двери, потянулся, сцепив пальцы за спиной, присел даже несколько раз, разминая ноги.

Из темноты выплывали понемногу, замирали – тут блик, тут тень чернее черного, тут угадывающийся на фоне неба треугольник крыши – дома и палисадники, гаражи и кроны. Пятно под фонарем светилось так ярко, что больно было глазам. Глеб снова привалился к двери, задрал подбородок и присвистнул – облака разошлись, и над ним светились, тянули друг к другу лучи звезды, особенно яркие из-за того, что центр остался позади, и из-за того, что осенний воздух холоден и прозрачен. «Да будет гореть для тебя во мгле звездная мишура», – вспомнилось Глебу. Он сунул руки в карманы, нашел взглядом Большую медведицу – огромный, накренившийся, еще немного и прольется, ковш – стал искать Малую, запутался, принялся вспоминать, с какой стороны от Большой она расположена, и в этот момент до него донеслись голоса, а затем тесть с корешем показались в свете фонаря. Глеб влез в джип и зажег фары.

– А мы думали, ты все, – сказал, усаживаясь, тесть, – психанул и укатил.

Кореш ворчал и бубнил что-то себе под нос.

– Куда едем? – спросил Глеб, кивая тестю на кореша.

– А все, – развел весело руками тесть, – ко мне во двор. Павлику оттуда рукой подать.

– Рукой подать, – подтвердил кореш и действительно взмахнул рукой. – Меня к подъезду не надо, чай не барин. Я пройтись хочу.

Тесть посмотрел на Глеба довольно, пожал плечами.

– Домой.

Глеб кивнул, завел мотор и осторожно, поддавая туда-сюда, развернулся, покатился в сторону центра – и долго еще зеркало, совсем недавно отражавшее дом-башню, было черным, с редкими точками огоньков, словно его замазали краской.

На середине пути кореш наклонился к тестю и пробасил заговорщически:

– А давай по пивку, а? По бутылочке?

Тесть, к тому моменту едва ли не дремавший, обернулся на кореша, посмотрел озадаченно. Затем скривился, почесал затылок.

– По пивку-у?.. – он зевнул и клацнул зубом по перстню на мизинце. – Ох, Паш...

– Да давай, – загудел кореш и похлопал тестя по плечу. – Дава-а-а-ай. Посидим во дворе, проводим, так сказать, вечер...

– Вечер! – фыркнул тесть. – Ночь на дворе, рассвет скоро!

Глеб всмотрелся в разбегающиеся перед ним улицы – они были точно такими же, как и... сколько?.. два часа назад. Казалось, время остановилось, и город никогда не проснется – и он, Глеб, обречен до скончания веков возить по ночным улицам тестя с корешем.

– Да какая разница! – наседал кореш. – Курить же всяко будем, лясы точить – не сразу же, блин, разбежимся! А то вот еще и пивка вчепыжим – приятное с полезным.

Тесть заерзал в сомнениях, оскалился и постучал уголком перстня по передним зубам. Потом встрепенулся.

– Паш, так сейчас же хрен где купишь!

Кореш засвистел как пробитая шина, замахал руками, смеясь.

– Купишь! Купишь, говорю! – он навалился на спинку Глебова кресла. – Во-он на том перекрестке давай направо, зятек.

Глеб вопросительно посмотрел на тестя, тот пожал плечами, потом мотнул головой – давай, хрен с ним; видишь, зудит у человека?

Когда Глеб свернул, кореш вытянул руку так, что указательным пальцем чуть не ткнул в танцующие под зеркалом перчатки.

– А теперь во-он к тем ларькам.

У пустой, похожей на коробок автобусной остановки светились, прижавшись друг к другу, ларьки – в которых сам Глеб не раз покупал ночью пиво, если с друзьями оказывался неподалеку. Глеб подкатился к остановке и заглушил мотор.

– Я мигом, – сообщил кореш.

И замер, уже ступив на асфальт, обернулся на Глеба.

– Тебе братъ?

– Нет, спасибо.

– Зяте-е-ек, – протянул разочарованно тесть. – Ну ты чего? Выпей с дядьками по бутылочке.

Глеб начал было вяло отнекиваться, врать про ранний подъем, но тесть делал сокрушенный, оскорбленный почти вид – и пришлось согласиться.

– Вот! – и тесть хлопнул Глеба по плечу. – Это по-нашему! А такси я тебе оплачу!

– Да я сам оплачу, спасибо.

Кореш уже гнулся вопросительным знаком перед ларьком, в лицо его из окошка бил свет.

– Пашка хороший мужик, – сообщил тесть. – Шебутной только.

Глеб не ответил.

Кореш оглянулся на джип и показал пальцами – «окей». Потом сунул руки в ларек чуть ли не по локоть и вытянул четыре темных бутылки.

– Себе еще одну взял, – пояснил он, вернувшись. – На дорожку.

Глеб утопил ключ поглубже, повернул, посмотрел в зеркало – пустая, неподвижная улица, даже листва в кронах замерла, даже вот флажок у какого-то крыльца не шелохнется, точно склеен, – и выкатился на дорогу.

И как-то совсем скоро, сам даже удивился – из-за пустых дорог? – въехал через арку во двор тестя, пополз между тесно припаркованными автомобилями, которые стояли и вдоль бордюра, и на газоне, и залезали на тротуар носами.

– Ищи, зятек, – наставлял тесть. – Во-он там, у котельной, мне обычно местечко берегут.

Но Глеб сделал два круга по двору, прежде чем втиснулся между низенькой, точно игрушечной, ауди и стареньким москвичом. Как только двигатель замолчал, тесть ключами дернул с одной из бутылок пробку и торжественно вручил бутылку Глебу.

– Твой дозор окончен! – и предупредил. – Пей давай, сиденье зальешь!

Глеб прижал губой вырывающуюся из бутылки пену, запрокинул подбородок и сделал несколько больших глотков. Пиво было ледяным до такой степени, что вкус почти не чувствовался – а ту кислотину, которая чувствовалась, язык не поворачивался назвать вкусом.

Пшикнули, срываясь с горлышек, еще две пробки – одна укатилась под сиденье – и тесть с корешем стукнулись бутылками, выпили. Затем закурили, высунав сигареты в открытые окна.

– А ты, зятек, не куришь, что ли? – спросил кореш.

– Бросил, – ответил Глеб, выпил еще.

– Ты мне зятяка не это самое! – возмутился тесть. – Пацан вон спортом занимается, ручищи видал какие!

– Ручищи как ручищи, – и кореш пожал плечами, выпустил кольцо дыма в окно.

Двор тестя был стиснут новостройками – двенадцать и четырнадцать этажей – и Глебу казалось, что джип стоит в углу огромной коробки, с которой зачем-то сняли крышку. Со всех сторон на него смотрели сотни – тысячи? – окон, и большинство из них были черными, но некоторые светились: белым, желтым, оранжевым, пурпурно-розовым – фитолампа? Глеб нашел взглядом окна тестя – черные, – представил, как темно и тихо сейчас в квартире. Спят собаки, спит теща, спят многочисленные телевизоры, музыкальные станции, кондиционеры и диффузоры.

– Хорошо-о, – тесть отклеился от бутылки и рыгнул, надув щеки. – Как в детстве сидим, да, Паш?

– Много ты в детстве в джипах сидел, – хмыкнул кореш. – За школой пили, на трубах, как бомжи.

– Чего как бомжи? – возмутился тесть. – Своя романтика, трубная.

Кореш фыркнул.

– Романтика! Кто блюет, кто рожу соседу бьет... Шик, ничего не скажешь!

Тесть развел руки в стороны.

– Ну, бывало и такое, да... Так то ж обычное дело.

И они принялись вспоминать – с труб и историй про битье рож перешли на школу и уроки, потом на педагогический состав, одноклассников и одноклассниц, выпускной и экзамены. Потом заговорили про университетские годы, про курьезы какие-то и сложности, связанные с трудоустройством, потом вернулись к школе, в первые классы, в детство, двинулись основательнее в сторону выпускного. Они вспоминали, говорили, то смеясь, то вздыхая, а Глеб слушал их рассеянно, цедил пиво, привалившись плечом к двери, и думал, что пройдет... сколько-то лет, и он сам станет таким же вот мужиком – и тоже будет встречаться с одноклассниками, и вспоминать, и колесить по ночному городу в поисках нехитрых – и довольно унылых, если быть честным, – приключений, потому что когда еще представится случай... Потом он вспомнил теток и подумал, что и Катя его когда-нибудь перестанет быть молодой и красивой и превратится, наверное, в такую же вот тетку, неуклюжую и шумную, с браслетами и вишневой помадой, но будет ли его – *того* его, другого – это заботить?

Окно в квартире тестя озарилось светом, Глеб показал на него.

– Проснулась, хозяйка, – хмыкнул тесть. – Сейчас позвонит.

Он выложил телефон на колено и стал считать.

– Три... два-а... оди-и-ин...

Телефон заиграл саундтреком к фильму с Бельмондо, на экране появилась фотография тещи.

– У аппарата, золотое мое, – бодро ответил тесть и подмигнул Глебу.

Глеб услышал в трубке недовольный голос.

– Сидим во дворе, рахат-лукум моей души, – невинным голосом сообщил тесть. – Ведем философские беседы.

Голос тещи.

– С кем? Ну как с кем? С Пашкой, конечно, с кем же еще?

Он снова подмигнул Глебу и приложил палец к губам – и кашлянул, потому что из динамика отчетливо прозвучали несколько нелестных слов в адрес кореша. Кореш сделал вид, что не услышал, – и продолжил пить пиво.

– Так! – повысил голос тесть. – Спокойнее, дамочка! Договорим и приду!

И он сбросил вызов.

– Красавчик, – одобрительно пробасил кореш. – Раз – и все. С моей бы так не прокатило...

И он принялся жаловаться на свою жену – и жаловался так убедительно, что Глеб даже посочувствовал ему и удивился: зачем вообще жить с человеком, доставляющим столько неудобств?

– Да нормальная твоя Маринка, – отмахивался тесть, и по его реакции Глеб понимал, что кореш на жену жалуется регулярно. – Ну с характером, да. А кто из них не с характером?

Глеб подумал, что Катя – не с «характером». То есть характер у нее, конечно, есть, но – не в том смысле, о котором идет речь.

– С характером! – хохотнул театрально кореш. – С характером! А ты знаешь, что я стабильно трижды-четырежды в месяц в машине сплю? Во дворе!

Тесть помялся.

– Чего так? Выгоняет?

– Выгоняет? – хохотнул кореш. – Не пускает! В голове перемкнет, и если засижусь где-нибудь – все, закрывается изнутри, наглухо! Хоть дверь ломай! Все думает, я баб окучиваю! Уж такой я мачо!

Тесть пожевал задумчиво губу, достал сигареты и закурил.

– Ты вот мне скажи! – полез к нему кореш. – Твоя вот может так? Чтоб дверь закрыть – и ночуй где хочешь! Может?

– Нет, – покачал головой тесть. – В нашей семье такое недопустимо. Ругаться – одно, а это уже...

Тесть обернулся на кореша, посмотрел укоризненно.

– Ну так значит, сам распустил, Паш! На ровном месте такое не появляется! С женой надо чтобы ругань руганью, а субординация...

Кореш усмехнулся криво, отхлебнул пиво, пополоскал его во рту. В этот момент Глеб увидел, как дверь углового подъезда – с квартирой тестя – распахивается, и из нее появляется теща, решительно берет курс в сторону джипа.

– Сан Саныч, – позвал Глеб.

Тесть повертел головой, увидел тещу и крикнул досадливо. А потом процедил сквозь зубы.

– Зятек, тикай. Тикай, пока не заметила.

Глеб замешкался, а потом молча приоткрыл дверь и ящерицей выскользнул из салона. И, не разгибаясь, по-гусиному, расплескивая пиво – спустя несколько шагов додумался зажать горлышко пальцем – заковылял прочь мимо джипа, мимо москвича, подальше от углового подъезда. Время от времени он привстаивал и видел сквозь стекла очередного автомобиля, как теща стоит руки в боки у джипа – и слышал даже, кажется, ее голос.

Кое-где – из-за вылезших на дорожку носами – приходилось пробираться по газонам. Глеб пробирался, выглядывал, прислушивался, поглядывал на окна – увидит его кто сейчас, вот потеха будет – и чувствовал себя, конечно, круглым дураком, но в то же время ему было до того смешно, до того даже весело, как в детстве, до сбивающегося дыхания, что он хотел бы, наверное, чтобы двор никогда не заканчивался – или вообще прикидывал, можно ли вернуться, подобраться незамеченным поближе, чтобы услышать, какими эпитетами одаривает теща кореша – да и тестя, – и как она выпытывает у них, кто это третий сидел в машине, на месте водителя, ведь был же кто-то, она точно видела еще из окна, только не смогла разглядеть лицо. Не женщина ли? А если женщина, то куда она делась? В воздухе растворилась?

Но двор закончился, Глеба втянула под свои своды ярко освещенная, ни одной тени, арка – а затем вытолкала наружу, к тихой и безлюдной улице, примыкающей к проспекту.

Небо на востоке понемногу светлело, но в зените еще было совсем темным, и если не смотреть на восток, могло показаться, что ночь и впрямь бесконечна. Глеб подумал, прикинул расстояние и решил не вызывать такси – застегнул ветровку под горло и пошел пешком, прикладываясь к не ледяному теперь, а просто холодному пиву, поглядывая то на дома с темными – преимущественно – окнами, то на небо, в котором мерцали приглушенно сквозь прорехи в облаках звезды – крошечные, похожие на песчинки или оставленные мелом точки.

Когда впереди, в конце улицы, уже виден был парк – и темный, погасший, ресторанчик – позвонила Катя, спросила сонно и встревоженно, что происходит.

– Я просыпаюсь, а тебя нет... Смотрю на время...

И всю дорогу до дома – мимо ресторанчика, через парк, через двор – Глеб, выдыхая бледные облачка пара, гоняя кроссовками листья, разговаривал с ней, рассказывал про ночные приключения – «какие приключения, Кать, скука смертная», – про Большую медведицу, которую хорошо видно с окраины, про тетку, оставившую дома ключи – «но не голову», – про то, как на крыльце у караоке дрались и трепали друг друга за волосы девицы в платьях. Катя злилась и смеялась, обещала поговорить с отцом, потом обещала, что, конечно же, говорить не будет, коли уж он ни в чем эдаком не замечен, а все вопросы к корешу, называла кореша чудачком – и еще по-разному – и говорила, что он был раз у них дома – но они с отцом разругались, и кореш ушел, хлопнув дверью, но забыл свои ключи на столе и потом возвращался за ними...

Оказавшись в своем подъезде, Глеб решил не ехать на лифте, а подниматься по лестнице – чтобы связь не прерывалась и говорить можно было до самой квартиры.